

Владимир Липатов

КИЛЛИБЕГС

Северная Ирландия. Колерайн

Тусклая монотонность морской жизни научила меня даже в незначительном эпизоде видеть событие.

С высоты крыла мостика я наблюдал, как на причале здоровенный ярко-рыжий лоцман пытается выдраться из машины. Руль, вдавленный в необъятный живот, не давал возможности маневра телом – авто раскачивалось, опасно кренилось, но водителя не отпускало.

– Наверное, сидору попил! – рассмеялся за спиной старпом Серега, подразумевая ирландский сидр. – Как он машину-то водит?

– Животом. – Мой интерес был связан прежде всего с желанием побыстрее отвалить от причала. – Он когда-нибудь вылезет?

Как будто расслышав мой вопрос, ирландец на секунду замер, затем неимоверным усилием воли и мышц рванул так, что спинка сиденья звонко хрустнула и, давая свободу брюху, отвалилась. С невозмутимым видом он выбрался из машины, пригладил щетку рыжих волос, тщательно отряхнул чистые брюки и двинулся к трапу. Шагнул на сходню – сходня опасно прогнулась, ступил на борт – и стометровое судно слегка накренилось. Войдя в рубку, он поднял на меня холодные навывкате глаза.

– Монинг, каптен. Куда следуете?

– Монинг, тут недалеко – в Ирландию. Киллибегс, слышали?

– Чего ж не слышать, здесь по шоссе 140 километров. – Пробуя на прочность, лоцман осторожно покачал спинку кресла, подумал и притулился у окна.

– Кофе будете или покушать?

– Чай.

И за два часа плавания по Ривер Бан, кроме команд рулевому, не произнес ни слова.

Уже на выходе из реки от берега отскочил лоцманский буксирчик и, как привязанный, побежал в сопровождении рядом. Наконец судно миновало последнюю россыпь торчащих из воды рифов, и наш молчаливый ирландец отправился восвояси. Выжидая момент для прыжка, он дирижаблем завис над буксиром, невпопад рухнул вниз, но удачно приземлился на четыре точки. Я облегченно вздохнул.

Вернулся провожавший лоцмана Серега.

– Как слона сбросили, аж палуба загудела. Видели?

– Слышал.

Мне не хотелось сползть с насиженного кресла.

– Сережа, дай ей под хвоста! – Наш пароход носил женское имя.

Старпом перевел ручку машинного телеграфа на «Полный вперед».

Я подсел к клавиатуре компьютера.

– Серега знает! А скажи-ка, Серега, когда подойдем к Киллибегсу? Мне надо лоцмана заказать.

Старпом метнулся в штурманскую.

– Завтра к одиннадцати.

– Ох, хорошо с тобой, Серега, работать... Даже можно и не работать!

И действительно, с его приходом на судно я вздохнул с облегчением.

Предыдущий скользкий, хитро скрученный одессит долго испытывал мое терпение, и уже не оставалось сомнений, что однажды, когда я засну, этот тип утопит пароход с концами. Стоял вопрос только места и времени. Не было случая, чтобы он нормально погрузился, рассчитал остойчивость или правильно распределил балласты. На ходовых вахтах это «чудо» могло часами, не заглядывая вперед, играть в дурацкие электронные игры, смотреть видео. В ответ на мои уговоры и нотации я слышал лишь невнятное

блеяние типа «я не виноват, оно само...» Однажды дело чуть не дошло до мордобоя, но в последний момент хватило ума сдержаться. Я не скучал с этим парнем три месяца ни днем, ни ночью, а мои обращения в компанию разбивались о странный немецкий орднунг – шеф ссылался на отсутствие достойных людей и предлагал заняться воспитанием этой дремучей поросли. Короче, расходы на внеплановую замену ему были дороже безопасности мореплавания. Впрочем, судно застраховано, чего им париться?

Освобождение пришло внезапно и вовремя: в Кильском канале лоцман выгнал старпома с мостика за «хамство и некомпетентность», уведомил меня и позвонил в нашу компанию. Немцы поняли друг друга сразу, и реакция хозяина была мгновенной: «Гнать вшаей!» Пока на берегу не передумали, я поспешил поделиться радостью с виновником «тожества».

– Ну что, отговорила роща золотая? Утром в дорогу. Давай там, не зевай в степях Украины!

Он принял известие, не поднимая глаз.

В движении по каналу пришлось отстоять с лоцманом ночную старпомовскую вахту, а утром в шлюзах Хольтенау нас уже ждали два новых члена экипажа – тем же временем заканчивался контракт и у старшего механика.

– С вещами на выход! Быстро! – Это были последние слова, сказанные мной дремавшему в каюте нерадивому коллеге.

Двое ушли – двое пришли. На палубу ступили их величества братья Павленко: старший, Сергей, прибыл старпомом, а младший, subtilный Александр, – стармехом. Глядя на нового старпома, я вновь впал в уныние – вторая половина контракта обещала быть такой же томной. Крепкий, диковатого вида мужик со шрамом через всю щеку исподлобья сверлил меня мрачным взглядом.

– Семейный подряд? Ха-ха... – Мне было не смешно. – Откуда прибыли?

– Из Севастополя. – И началась новая эра...

А сейчас я на Серегу не нарадуюсь, но вида не подаю.

– Как там Саня-то, в порядке? – подвожу его к «теме», зная, что они с братом не ладят. Старпом всплеснул руками.

– Да, сука, набил комбинезон гаечными ключами и бросил в стиральную машину, теперь все нах вдребезги пополам. Барабан через дверь вынесло. Сейчас сидит чинит...

– Нечаянно, наверное. С кем не бывает...

Сереге, ожидавший иной реакции, смотрит на меня недоуменно.

– Но чинит-то как, Палыч?! С одной стиралки снимает детали – на другую ставит! Из четырех одна работает! Я уж и плакат для него в прачечной повесил, а он читает и сует-сует свое железо.

Мне довелось видеть этот плакат: «Проверь карманы, Враг народа! Неисполнение законов моря – расстрел на месте!»

– Сереге, ты же младшему жить не даешь, за два месяца я ни разу не видел, чтобы вы по-братски разговаривали.

– Он мне еще в детстве надоел, падла! – И, пародируя родную маму, заверещал: – «Серезка, не трожь, это Сашеньке... Серезка отстань от ребенка...» Он нашкодит, а порют меня.

Глядя на 38-летнего Серегу с его неудержимым задором и 33-летнего спокойного Сашу, сдается мне, что первого пороли не зря. Старший научит – младший по глупости сделает. И кого драть?

А Сереге уже рассказывал одну из многочисленных историй своего трудного детства.

Вечером папа, боевой полковник в одних галифе на подтяжках, дул чай в комнате за чтением газеты «Советский воин». Маленький Саша крутился около и, пытаясь перехватить внимание, щелкал подтяжками по отцовской груди, а мама, сидя на диване,

вышивала на пяльцах. За окном метель, а дома тепло и уютно... Только старшенький, настороженно выглядывая из прихожей, что-то перебирал в заветном ящичке.

– Сашка, иди сюда!

Младший тут как тут.

– Чего? – Ясные глазки светятся любопытством.

– Ты вот что, брат, возьми-ка вот это... сколько влезет. – Серега с горкой насыпал в пухлые ладошки брата шесть патронов к АК-47. – Щас я рукавицей дверцу открою, а ты махани – и бежать.

– Куда?

– Экий ты бестолковый, да в печку же, а бежать в комнату к папке! А я тут...

Взрывы застали семью врасплох. «Ложись!» – телом накрывая младшего, опытный полковник рухнул на пол, мама с пяльцами метнулась за диван, и только Сережка не дрогнул. Потом тушили пожар, маман успокаивала испуганного младшенького, а папа в прихожей порол старшего широким офицерским ремнем.

– Как страшно жить...

– Чего?! – не понял Серега.

– Я спрашиваю, чем ты занимался в 90-е? С такой фактурой тебе самое место было в бандитах.

– Что вы, Палыч! – Сергей смутился. – Звали, но это не мое. Я честно зарабатывал неплохие деньги.

– Спекуляция?.. Вымогательство? Заказы?

– Не-ет, ну что вы! Бои без правил. Была такая забава для богатых.

– Вот уж не слышал... И, конечно, побеждал. Не жалко было «павших»?

Серега, прижав кулаки к груди, стал в стойку напротив радара.

– Палыч, это жизнь! Если не ты, так тебя! – Его взгляд сверкнул сталью.

Он раскрыл рот, чтобы дальше живописать перипетии этих самых боев, но я был уже в дверях.

– Поспешу-ка я домой, а то нагонишь страху на сон грядущий. И не звони, в восемнадцать сам буду. Счастливо, боец хренов.

Я вернулся на мостик два часа спустя. Слева на траверзе на фоне покрытых зеленью холмов черным зубом торчала скала, вершину которой венчал красно-белый цилиндр маяка.

– Сергей, это Иништрахал? Сколько дистанция до него?

– Да, Иништрахал. А дистанция – согласно вашей инструкции: держаться не менее пяти миль от всех скальных маяков.

– Мористее или ближе к берегу? – засмеялся я.

– Ну, конечно, мористее!

– Ма-лад-ца! – Я все-таки проверил – до скалы на радаре было 5,5 миль. – Курс?

– Только что повернул на 270 и через 25 миль, у маяка Тори, поворот на 215.

– Хм, да тут с такой скоростью от силы десять часов хода. Надо корректировать подходное время. Ладно, иди, я разберусь.

Но Серега уходить не спешил: вымыл пепельницу, приготовил мне кофе, потом перебирая карты, долго топтался в штурманской. Мне надоело.

– Ты чего здесь толчешься? Нужно чего-нибудь?

Он замялся, остановился около.

– Палыч... а можно половину зарплаты прямо на судне наличными получать?

– Дело хочешь открыть? Конечно, но твоим-то дома не мало останется?

– Мы с женой таким образом решили запасы делать – одна половина на счет пойдет, а вторую я привожу с контракта наличными. По-иному у нее не получается: то брошечку золотую купит, то перстенок с камушками... Дома жрать нечего, а она успокаивает:

«Золото – тот же капитал!» Сейчас перед отъездом совсем оголодал и несмотря на ее протесты кинулся этот «капитал» по квартире собирать. Ссыпал в полиэтиленовый мешок целую охапку – и в скупку. Думаю, это ж два килограммовых слитка будет!..

– Озолотился?

На Сережино лицо набежала тень.

– Тетка взвесила, пощелкала на калькуляторе: «Лом цветных металлов... Вам к выдаче пятьдесят три евро восемьдесят девять центов, в хрывнях, конечно». Какой лом?! А камушки?! Вы что, охху... это самое? Здесь золота на пять тыщ долларей если не больше! Вот чеки из магазинов – посчитайте и распишитесь! Тут охранник с газовым баллоном из-за ширмы: «Вот и пыли по магазинам со своими чеками. Сказано – лом!» Я к нему... Жена в слезы.

– Так чем закончилось? Приняли по чекам?

– Ну... в общем, решили деньги беречь.

– Хорошее решение. Деньги можешь хранить в моем сейфе, а сейчас свободен...

Караван идет... Умиротворенный после шторма океан дышал ровно, и выгруженное судно, как пустая консервная банка, плавно, без усилий взбиралось на гребень длинной, прибитой ветром волны, затем с небольшим уклоном катилось вниз и все повторялось – то взлет, то посадка. На горизонт, как и на огонь, можно смотреть вечно, вот я и смотрел на него все шесть часов вахты, а в голове без остановки крутилась пластинка времен окончания училища.

Плещется тихонько вода,

Мачта качается.

Так и не заметишь, когда

Детство кончается.

Время нас торопит: пора,

Скоро отплытие.

Будут штормовые ветра,

Будут открытия.

Пусть порой тревога слышна

В голосе мамином –

Жизнь была во все времена

Главным экзаменом.

Сделать нам, друзья, предстоит

Больше, чем сделано.

Кто же это там говорит:

– Молодо – зелено...

Вот ведь, запомнилась, прилегла к душе и обозначилась главной вехой жизни.

Ах, какие же мы были дети, какие романтики, и верили-верили-верили, а жизнь потом выбивала-выбивала-выбивала эту, как оказалось, наивную дурь и нещадно разрезала наши ряды. Иллюзии на то и иллюзии, чтоб исчезать...

Чем ближе время к дому, тем молчаливее я становлюсь и чаще начинаю петь про себя.

Грустное. Выполняю все, что предназначено миссией: стою вахты, проверяю, рассчитываю, отчитываю, а сам уже внутренне замер, как ящерица в ожидании тепла.

Порой готов взорваться из-за мелочи, и только Серегино простодушие возвращает меня к ворчливой, но не злой иронии – моему обычному стилю общения.

Ровно в полночь явился сонный Серега и молча притаился в темноте. Я включил эхолот.

– Пусть молотит всю ночь. Сразу за 50-метровой изобатой идет такой резкий подъем грунта, что не успеешь и «мама» крикнуть, как приземлишься.

В ответ молчание.

– Ты где?! Не проснулся, что ли?

– Голова что-то тяжелая. Кофе есть?

– Золото снилось? Вон на столике тройной дымится, выпей – и на крыло проветриваться, а я пошел. Трудно будет – зови...

В шесть утра, когда я вернулся на мостик, мы были уже в точке взятия лоцмана. За спиной колыхался безбрежный, до самой Америки, океан, а впереди в обрамлении покрытых зеленью невысоких холмов подковой лежал залив. Там, в его глубине, где берег встречался с морем, вилась белая полоса прибоя. Я взял бинокль.

– Здесь где-то между скал должен быть проход в бухту.

Сергей колдовал у кофеварки. У нас с ним традиция: сдающий вахту готовит принимающему эспрессо. Для разгону, а там как пойдет.

– «И вечный бой, покой нам только снится...» – Я сунул бинокль в футляр.

– Что вы говорите? – Старпом не понял.

– Это не я говорю: «... летит, летит морская кобылица...» А что, Серега, наша «Claudia» похожа на степную кобылицу?

Он пристально посмотрел на меня – один Бог ведает, что у капитана в голове на шестом месяце контракта.

– Кофейку вот лучше испейте – оттянет.

Я присел, хлебнул отравы, и глаза полезли на лоб.

– Ухх, дубовый! Что за желуди?! Кончить меня хочешь?

– Сто процентов арабика, пачку только открыл, – обиделся Сергей. – Все как любите, ложка торчком стоит!

– Стоит у него торчком... как у волка на морозе. Ладно, иди спать, у тебя еще есть пара часов до погрузки.

– А чего ложиться? Сейчас ошвартуемся, и сразу балласты откачивать, готовить снаряжение для крепления контейнеров. Потом выплыву.

Это «потом» могло наступить только вечером, ну бог с ним.

– Как хочешь.

Я подошел к экрану электронной карты, пробежался взглядом по линии пути в бухту, отметил про себя глубины, прочие опасности и как-то не возрадовался. Собственно, рискованным было только одно место – узкий проход меж двух тесно стоящих скал с последующим резким отворотом под девяносто градусов от третьей. Вычерчивая по заливу гигантскую дугу, оранжевым шариком уже катился в нашу сторону лоцманский катер, вот он на подходе замедлил ход, мягко ткнулся в борт под штормтрапом и замер. Ярко-рыжий здоровяк с его палубы приветственно махал нам рукой.

Мы со старпомом изумленно переглянулись. Серега очнулся первым.

– Кажись, тот самый... вчерашний дятел из Колерайна. – Сын полковника любит народный фольклор. – Они тут все братья, что ли?

– Двоюродные. – Я был в шоке.

– Всем привет! – На мостик ввалился двойник вчерашнего лоцмана, рядом с ним могучий Серега выглядел мускулистым пигмеем. Посыпались обычные вопросы: осадка, мощность двигателя, шаг винта, наличие подрулёвки... Новый гость, не в пример давешнему, оказался охоч до бесед, и через десять минут я уже знал все о городке и полутора тысячах его жителей вплоть до вероисповедания.

Серега стал на руль и тут же смежил усталые глаза – сказывалась бессонная ночь.

– На руле не зевать!

Он вздрогнул и пробормотал виновато:

– Я не зеваю, Палыч!

– Жмурится тут! Говорил, иди спать. Нет, будет толочься.

Предлагая уступить место рулевого, лоцман мягко постучал старпома по плечу. Серега нехотя отступил, передал джойстик и, демонстративно отмахивая дым лоцманской сигары, оттянулся по-русски:

– Провонял, сука, весь мостик. Дышать нечем...

Я пресек:

– Сходи лучше за завтраком на две персоны!

Он вышел, тихо прикрыв за собой дверь.

Обрывистые скалистые берега, сжимая водное пространство, охватывали судно с двух сторон и стремительно наезжали по фронту. Казалось, дальше пути нет, но я, отслеживая движение по электронной карте, был спокоен – на экране уже четко просматривался узкий зигзагообразный проход в бухту.

– Некст степ... – загадочно произнес лоцман и заложил руль «полборта право».

Причудливая панорама близких обветренных скал калейдоскопом покатила-покатила влево и вдруг, когда судно вышло на нужный курс, резко остановилась. Перед нами в какой-то сотне метров, меж скал обозначились узкие, как казалось, непроходные ворота канала, ведущего в бухту. Лоцман, глыбой нависший над колонкой руля, спокойно и молча делал свое дело, а во мне нарастало напряжение, взмокла спина. Не ко времени звонко хлопнула дверь, и на мостик в сопровождении старпома вперся повар со своим завтраком.

– Поставь на стол и брысь с моста!

Повар исчез первым.

– И я?! – удивился Сергей.

– И ты! На бак, быстро! Оба якоря к отдаче...

– Так они у боцмана готовы!

– Я сказал – бегом на место! – и грозно обернулся: за спиной уже никого не было.

Тучный, с виду неповоротливый ирландец оказался ловким малым – в последний момент он вдруг сбросил ход и на новом крутом развороте вписался между нависающими над водой скалами. «Ду-ду-ду...» – эхом отражаясь от каменных стен, выстрелами из трубы застучали выхлопы главного двигателя. Всего один зигзаг удачи – и судно выскочило на чистую воду. Я с облегчением вздохнул

Ирландец из-под густых бровей окинул меня лукавым взглядом.

– Каптен, вы в порядке?

– Конечно! Более чем! На ватных ногах, стараясь выглядеть жизнерадостным, я затрусил к остывшему дубовому кофе. Сделал глоток, поднял глаза...

В чаще зеленых холмов густой синевы донышком лежала передо мной тихая бухта. В этом изумительном ландшафте явно не хватало чего-то лишнего, ставшего уже повсеместно привычным. Чего? Ну конечно! Долбанной цивилизации!

– Это город?! – В глубине залива прилепились к воде десятков старинных зданий и ажурная серая церковь, тонким шпилем указующая дорогу к Богу.

– Город! – с достоинством подтвердил ирландец. – Это моя родина! Посмотрите, как здесь уютно.

Казалось, этот ансамбль игрушечных домиков когда-то ссыпался по склону зеленого холма и в легком хаосе застрял на самой кромке берега. Органично вписывался в пейзаж и прямой, как стрела, мол, устремившийся в море прямо от стен городка. Там, абстрактным цветовым пятном сгрудились ошвартованные траулеры: белые, синие, красные, желтые...

Господи, да это просто земля обетованная, приют одиноких в сумасшедшем мире! Здесь когда-нибудь войны-то проносились?..

– Пайлот, изумительно! А где наше место?

Слева тянулась короткая линия пустынных причалов для больших пароходов.

– А вот, я уже подворачиваю. Станем правым бортом носом на выход всего в двухстах метрах от города.

– О кей!

Перекусывая бутербродами, в благодушном настроении мы подвели судно к причалу, привязались и еще долго не уходили с мостика.

Обитатели Киллибегса спокон веку жили рыбным промыслом, и почти каждый из них был и владельцем, и капитаном собственного траулера.

– Во-он мой, оранжевый, стоит. – Лоцман указал рукой в сторону рыбацкого мола. – Послезавтра в море.

Укрытый, хорошо защищенный от всех ветров порт был идеальным убежищем, а морской шельф кишел непуганой рыбой, так что заниматься рыболовством этим людям сам бог велел. Это всегда было хорошим семейным бизнесом, но пришли иные времена – в двухтысячном Евросоюзе ввел квоты на вылов рыбы, как следствие, кратно упали доходы, и молодежь потянулась в большие города.

– А кто же сейчас работает в экипажах траулеров? – У меня мелькнуло подозрение.

Ирландец помрачнел.

– Нанимаем моряков из Восточной Европы, а это проблемы... Но куда денешься?

– Какие могут быть проблемы?! Платите-то меньше, чем своим.

Я достал из штурманского стола заготовленные в подарок блок сигарет и бутылку виски. Гость принял мой жест за сигнал к действию.

– Здесь?!

– Нет-нет! Дома. – Кажется, он был не прочь и «здесь». Честно говоря, с рыжим пора было кончать, но не все слова были им еще сказаны.

– Видите, каптен, красную стену дома? Это бар «Харбор», и вся рыбацкая флотилия рядом. Мы, местные, с приходом бежим по домам, а они прямо с трапа – в бар. А потом всю ночь: скачки, дикие песни, мордобой – сначала внутри, потом снаружи. Стекла бьют. Наши уж боятся из домов выходить – не раз прилетало.

Если лоцманский рассказ перевести на волшебный русский язык, он заиграет совсем другими гранями.

– Надеюсь, не русские?

– Ну, русские! – Рыжий заулыбался, похлопал меня по плечу. – Русских в мире все знают.

Вспоминая, он зачесал в затылке.

– О! Румыны! Или хорваты?

– Так что же их не высылают из страны? – Мне, в принципе, было все равно.

– Одних высылают – приезжают такие же. Нет, ну есть среди них приличные люди...

Я уже совал ему в руки свои подарки.

– Извините, пайлот, у меня дела.

– Ухожу-ухожу! Завтра буду вас выводить.

– До завтра!

В нижнем коридоре слышались вопли Сереги.

– Я его убью! – кричал он. – Я его вытряхну из белоснежного комбинезона!

Завидев меня, он притих.

– Что с балластами, насосы работают? – спросил я, проходя мимо.

– Все в порядке. Качаем.

– Так чего орешь на стармеха?

Александр, весь в белом, склонив упрямую голову, стоял тут же.

Я знал, что раздражает Сергея, и в чем-то был с ним солидарен: в нашей компании белые комбезы выдавали офицерам только на тропических линиях, а нам, «европейцам», было позволено носить оранжевые «матросские». И потом, идеально чистая одежда механика наводила на мысли, ибо в машинном отделении даже нового парохода всегда есть где испачкаться.

– А ты, Саша, и впрямь все время чистенький ходишь. Хоть пятно посади какое-нибудь – капитанскому глазу приятно.

– Так у нас автоматика!
– У механика и с палубными механизмами работ много. Старший брат говорит, ты ничего не делаешь. Зачем тогда механик? Главный двигатель я и с кнопки могу запустить. Серега, покажи ему, где можно испачкаться.
– Пойдем со мной, мой лягушоночек. – Серега потер руки и плотоядно улыбнулся. Братья отправились на палубу.
Два часа спустя я нашел их у носовых лебедок.
– Масло меняем! – Сергей, уперев руки в бока надзирал за исполнением работ. – Уже третья лебедка!
– Молодцы!
– Не «меняем», а меняю... – Санька кряхтя разогнулся и встал с колен, его комбинезон представлял собой страшное зрелище. – Владимир Павлович! Уберите его на хер отсюда – стоит над душой и подзуживает. Говорит, еще в двух надо масло менять.
– Ну, брат, извини! Надо так надо. Трудна морская служба, но почетна. – Я подмигнул старпому. – Хороший у нас старший механик?
– Хороший! – легко согласился Серега. – Робу теперь ни в жисть не отстирает.
По палубе, как красные муравьи, сновали филиппинцы, растаскивая крепежный материал для завтрашней погрузки – картина, виденная сотню раз, и вдруг во мне будто что-то щелкнуло.
– Серега, пойду прогуляюсь, ты – за старшего. Если что, звони на капитанский телефон. Я недалеко.
– Палыч, можно с вами?
– Даже нужно!
Серега насторожился.
– А вы в город?
– Да, прямо в центр. – Я указал на вершину холма. Он быстро соскочил.
– Ой, совсем забыл... Потом как-нибудь, если возьмете.
– Возьму обязательно. С борта никому не уходить, можно прогуляться по причалу. Все!

Я ступил на берег и, лавируя между штабелями контейнеров, вышел к подножию холма. Трава оказалась жесткой и высокой до колен, что затрудняло движение, но оставляло дорожку для обратного спуска. С непривычки километровый путь до вершины показался добрым десятком километров. Наконец ноги вынесли меня на гребень, я взглянул на океан и, потрясенный, замер... Оглянулся назад: далеко внизу у причала стоял одинокий синий пароходик с крошечной белой надстройкой. Мой. Прибывая на судно, я никогда не задумывался о том, что у судна есть хозяин, а возвращаясь домой, чтобы никогда не вернуться, в последний раз подходил к ободранному, с рыжими потеками борту и, на секунду закрыв глаза, прикладывал ладони. Так прощался. С каждым. И благодарил. Не за заработанные деньги, просто за то, что он был в моей жизни.

Открытый всем ветрам противоположный склон оказался отлогим и в сотне метров от гребня заканчивался узким карнизом. Достичь его не составило труда. Я стоял в трех шагах от бездны, и не было сил ни отвести глаза, ни сделать еще шаг. Она манила и пугала. Усилием воли, затаив дыхание, я перевел взгляд на горизонт. Там, далеко-далеко, где океан смыкался с небом, маленькой плоской букашкой полз пароход. Наверное, в Европу, через пару суток обогнет южную оконечность Ирландии и в Ла-Манш.

Головокружение прошло, а тяга к пропасти – нет. Я опустился на колени, потом лег и осторожно заглянул за грань. Здесь правили бал их величества Время, Вода и Ветер. Далеко внизу отвесная скала переходила в нагромождение гигантских пластинчатых камней, рассыпанных по крутому склону до уреза воды. Достойное место для самоубийц –

пятьдесят метров лёту и приземление в расщелинах раздробленных скал без шансов выжить. И уже не больно. На мелководье в саванах пены кривыми истуканами торчали остатки когда-то монолитной скалы. Тысячи лет назад этот остров восстал из глубин, но океан, пусть даже медленно, всегда возвращает то, что принадлежит ему. Все вернется.

Рожденный ползать летать не может. Я перекатился от обрыва к стене террасы и, обхватив коленки, присел.

Однажды в западной Англии в один из моих побегов «от самого себя» произошел курьезный случай. Мы безнадежно застряли в каком-то маленьком порту на Мерсей ривер. День, два... Бесцельно меряя шагами причал в ожидании выгрузки, я маялся бездельем, и вдруг накатило – край. Исчезнуть и никого не видеть, раствориться в воздухе, воде... Низко над парходом заходил на посадку толстый, как бегемот, военно-транспортный «Геркулес», видимо, где-то рядом находился военный аэродром. И именно в этот момент я взял фотоаппарат и спрыгнул на причал. Так совпало.

Миновав портовые постройки и «город» из трех домов, я увидел унылую пойму широкой мелководной реки, торчащие из воды обрушенные пролеты моста и вдалеке, на самом берегу, покосившийся убогий дом. «Здесь души не лечат, но, может, мне повезет?» Я долго шел по полю напрямик к лачуге и уже на подходе, спускаясь по низкому берегу к воде, впервые оглянулся. От далеких домов в мою сторону бежал человек в ярко-зеленой куртке, и это было очень странным. Печальный опыт общения с белыми «джентльменами» Англии у меня присутствовал – однажды в Гроу я был ограблен, но тогда их было четверо, а сейчас один. Берег скрывал меня от преследователя, я ждал его с минуты на минуту и даром время не терял – подыскал и положил в левый карман куртки увесистый булжик и присел в ожидании, глядя на зеленую кромку поля. Вот над тощими кустиками травы появилась взлохмаченная шапка волос, настороженные глаза, открытый рот, судорожно хватающий воздух, широкие плечи, мускулистый торс... Завидев меня, незнакомец вздрогнул от неожиданности и фальшиво удивился:

– Вау! Никак не думал, что здесь кого-нибудь встречу!

– Вау! Я тоже. – Я встал, сжимая в кармане тяжелый камень. – Гуляете?

– Да, знаете ли, люблю гулять. Гуляю все, гуляю... – Он с трудом отдышался. – А вы кто?

– Турист. А вы?

– Я?! Мм... местный краевед, историк, хранитель музея.

– Ах, даже так! Здесь и музей есть?! О чем?

«Хранитель музея» в зеленой полицейской куртке затруднился ответить.

– Ну... – он обвел рукой английские «дали», – ...здесь много...

«Праздник» был испорчен. Мы стояли, не совсем дружелюбно разглядывая друг друга, и не знали, о чем говорить. Мне стоило прояснить ситуацию первым.

– Я – моряк с парохода, стоящего в вашем порту, захотелось прогуляться, посмотреть природу, а смотреть оказалось нечего.

Грязно-желтая река несла мимо нас кучи мусора.

Он не обиделся.

– Это не самое лучшее место в Англии.

– Ну, конечно, я знаю. Просто на этот раз мне не повезло... – Я указал на разрушенный мост. – А почему этот мост разрушен? Вроде не старый.

«Музейщик» улыбнулся.

– Здесь очень слабый грунт, строили долго, а рассыпался в одночасье. Хорошо, что без жертв.

– Бывает... – Надо было как-то заканчивать эту канитель. – Я возвращаюсь, вы пойдете со мной?

– Спасибо, я еще поброжу. – Он быстро развернулся.

– А давайте сфотографируемся! – мелькнула забавная мысль. – На память. Селфи на фоне реки.

– Нет-нет, – быстро ответил он и, не оборачиваясь, тронулся с места. – К чему это?
– Ну тогда до свидания! – Я развернулся в противоположную сторону. Откуда-то слева, из-за далекого леса, тяжело взлетал военно-транспортный самолет, и вдруг все стало на свои места.

«Русские идут!» В ту пору Петрова и Боширова еще не было и в помине, а Скрипаль в Солсбери спокойно пропивал родину, и, казалось бы, ну кому какое дело, где в Англии шляются моряки иностранных судов? Я и представить себе не мог, что интерес, вспыхнувший к моей персоне в этом английском Гадюкино, не был случайным. Но кто-то в убогой дыре отслеживал действия судового экипажа, и стоило совпасть моему выходу на берег с приземлением военного самолета, как закрутились жернова слезки. Детектив? Да! Судовые роли с данными команды в управлении порта есть, для верности подошли к пароходу, спросили, кто уходил, – и все! Их пазл сложился: русские капитаны под крышей немецкого судна так просто в Англии гулять не ходят. Особенно в местах, где прячутся военные аэродромы.

Ладно, забыли. Пофантазируем? Я лег спиной на усыпанное мелким камнем и чайчьем дерьмом скальное ложе, сунул под голову кроссовки и уставил глаза в безоблачный зенит. Хватило пяти минут – острые камни, как сотня ножей, терзали тело, тут уже не до фантазий. Я осторожно встал, обулся и выбрался на вершину холма. Обернулся: мне никогда здесь больше не бывать, но этот космос дал сил и останется в памяти ярким.

С легкой головой, как сайгак, я поскакал по склону вниз, к гавани, и с каждым шагом увеличиваясь в размерах, мой игрушечный пароход превращался в настоящий.

Смеркалось. Кто-то, наверное, Сергей, включил внешнее освещение, и судно озарилось гирляндами огней. На корме теснились люди, вился дымок из мангала, мой чуткий нос уже улавливал запах жареного мяса, – я сегодня разрешил им безалкогольный праздник. Меня заметили и дружно машут руками, приглашая разделить трапезу. Бегу!

На корме негромко звучала музыка, у народа блестели глаза, все были веселы и расслаблены. Похоже, взбодрились чем-то из личных запасов.

– Где старший? Никто не уходил с судна? – В поисках Сергея я пробежал строгим взглядом по лицам.

– Все на месте, а Сергей ушел на мостик включить палубное освещение. Там он! – Кок вручил мне шампур с отменным мясом.

– Спасибо, поем у себя. И заканчивайте, завтра работа. На берег для продолжения банкета ни шагу!

В каюте я без интереса полистал электронную читалку и захлопнул. Не идет любимое дело. Но где же Серега, почему не зашел, стервец? Нехотя принялся за шашлык и бросил, вышел, прошелся по пароходу – тишина. С моим приходом они так быстро свернули вечеринку, что и следа нет: на корме чистота, на камбузе вся посуда вымыта и идеальный порядок. Поднялся на мостик – там никого. Серега спит, наверное. Намаялся. Нет, не буду будить.

Внизу у трапа тихо беседовали двое. Подошел – замолкли.

– Город манит? – Я кивнул в сторону близких домов.

– Нет, просто подышать.

Вышел к трапу утомленный дневным «рабством» младший Павленко.

– Комбинезон-то отстирался? – Вспомнилась дневная эпопея с заменой масла в лебедках.

– Да разве отстираешь... – Стармех махнул рукой, и как по команде из-за дома вывернулся ярко-желтый полицейский микроавтобус.

– Вечерний объезд территории, – авторитетно произнес Саша. – Присматриваются.

Микроавтобус тихо подкатил к трапу и остановился. Такое бывает, полиция контролирует, все ли в порядке на судне. Девушка-водитель в форменной шляпке и

светоотражающем жилете ловко выпрыгнула на причал, поздоровалась и распахнула боковую дверь.

– Ваш?

Смущенно улыбаясь, из темноты салона выплыл... Серега в сопровождении трех полицейских.

– Цирк зажигает огни... – С нервами у меня все в порядке, но сейчас захотелось кого-то потерзать. – Ты когда успел оттопыриться, клоун?! Полчаса времени – и уже тюрьма! – Он распахнул было пасть, но я ее быстро «захлопнул»: – Надеюсь, никого не убил?

Серега замотал головой, а девушка, определив меня как самого старшего из стоящих, спросила:

– Вы капитан?

– Д-да, – кисло процедил я. – Что-то случилось?

– Это ваш чиф мэйт?

– Да... – В условиях неопределенности жизнь научила меня быть немногословным.

– А ваш парень герой, каптен! Он задержал опасного преступника!

Оба-на! Я взглянул на «героя» – тот опустил голову и, заложивши руки за спину, носком ботинка принялся чертить на асфальте иероглифы.

– Ничего удивительного, мэм, он в каждом порту ловит преступников. Как ошвартуемся, так сразу бежит ловить. Прошу в кают-компанию!

– Нет, каптен, спасибо! Мы уезжаем, но хотели бы передать вашей компании слова благодарности за воспитание настоящего мужчины. Дайте пожалуйста e-mail офиса, и мы поехали.

– Там на него уже не принимают, я сам передам.

– Хорошо, он вам все расскажет! Прощайте, Серж! – Девушка, коснувшись плеча, посмотрела на него с благодарностью.

– Прощайте! Пойдем-ка Серж заполнять наградные листы...

Войдя в темноту мостика, я вплотную приступил к старпому.

– Тебя ответственным за судно и экипаж оставили, а ты в город попер?! Ты понимаешь, что меня подставил? Немцам пофиг твой героизм – они боятся таких героев. Тебя сейчас выгонят, а с меня спросят! Рассказывай, что произошло, мне надо знать. – Во мне все кипело.

– Палыч! Не был я в городе, я по причалу гулял.

– Гулял, ну и?.. Как на духу!

– Решил просто за угол заглянуть, пароход-то в сотне метров, весь на виду. Дай, думаю, посмотрю.

– Ну и?.. – Я отошел от него, сел в кресло.

– Ну, подкрался к углу дома, выглянул на улицу и лоб в лоб столкнулся с парнем. Рослый такой, глаза стеклянные, руки по локоть в крови, – рассказывал он. – Позади него, метрах в пяти, крались гусиным шагом четверо полицейских с дубинками. В доли секунды я «сфотографировал» картинку и...

– Что «и»?..

– Ну и торцанул с левой в челюсть.

– А он?

– А что он? Оплыл по стенке на асфальт, и все. Пароход-то у меня на виду был!

– Ну, раз «на виду», это меняет дело, но не в нашей компании. Реакция полиции?

– Хорошая. Они, как нинзя, подпрыгнули от неожиданности и пустились наутек. Едва догнал.

– Так ты еще и догонял?! Зачем?!

– Надо же было объяснить.

– Достойно... – Хорошо, что Серега не видел мое лицо. – Догнал?

– А куда они денутся? Через двести метров, аккуратно у бара – они там хотели запереться, да не успели – я ногу под дверь вставил.

– Ну, парень, с тобой не соскучишься! И что было дальше?
– Потом сходили, отклеили этого иностранца, им оказался рыбак с траулера, и поехали в участок, а я без документов...

– Слава богу. Знаешь, если в компании узнают о твоём геройстве, сразу выгонят! Все-таки нужно было как-то уйти от конфликта. Голова-то для чего дана? Для боев без правил?

– Палыч, я автоматически!

– Так ты «автоматически» можешь и меня из-за угла «торцануть» – все под Богом ходим!

– Да ни в жисть! – Серега пригорюнился. – Я больше не буду.

Передо мной стояла нелегкая дилемма: сообщить о происшествии в компанию – и тогда Сереге конец – или промолчать. В случае молчания, если на судне найдется информатор, мне несдобровать. Большинство капитанов выбрали бы первое, я – промолчал.

Это не о Сереге. Пытаться понять и простить человека – неблагодарное дело. Исходя из собственного опыта, я давно пришел к единственному выводу: не раз понятые мной и прощенные впоследствии меня же предавали и продавали. Не все, но не единожды.

Следующим вечером забитые контейнерами под самые окна мостика, мы покидали Киллибегс. Серегина «слава» еще раз вернулась к нему на судно, на этот раз вместе с лоцманом – в этой деревне такие события не остаются незамеченными. Я отошел на второй план, а ирландец, пересказывая перипетии вчерашних дел, все время поглядывал на старпома с уважительным удивлением. Стоя на руле, уставший за день Серега отмахивался от похвал, смущенно поглядывал в мою сторону и не хотел быть знаменитым. Я молчал.